

беспрестанно, чтоб государь пожаловал, Азов город велел у них принять. . .¹

По мнению Н. И. Сутта, казаки даже „приняли участие в земском соборе“.² Но это не верно, так как их нет в подробном перечне участников.³ Напротив, правительство обычно стремилось изолировать казаков от населения. Жили они „обыкновенно в Ордынской слободе, за Москвой рекою, или в Пятницкой улице на постоялом дворе, причем для караула приставляли к ним. . . сотника и стрельцов, которые бы без указа великого государя «на двор к ним, и их, казаков, со двора никого не пускали»“.⁴

Казаки имели доступ только в Посольский приказ и через него к государю. Не имея возможности открыто отстаивать свое дело на соборе, они целиком зависели от той интерпретации азовского вопроса, которая будет угодна правительству. Мы думаем, что именно в этот напряженный момент политической борьбы за Азов, когда к тому же по рукам ходило много экземпляров официальной „росписи“, кратко передающей от имени правительства содержание войсковой отписки, в этот момент было наиболее естественным и удобным пустить в свет и свою казачью „роспись“, составленную по образцу той же отписки, в ее же жанровой форме рассказа от лица всего Войска („мы, казаки. . .“). Поэтому-то, очевидно, в подражание официальной „росписи“, и Поэтическая повесть носит такое наименование: „Осадному сиденью привезли роспись. . . а в росписи их писать“ (У, 86), — хотя она и написана всецело в форме отписки, для которой такое название не свойственно.

Кто же из приехавшей „станции“ мог быть автором повести? Мы высказывались уже более подробно⁵ о том, что повесть до мельчайших деталей своего жанра, стиля и языка проникнута особенностями формы войсковых отписок и могла быть написана только донским канцеляристом-профессионалом. Кроме того, по своему историческому и идейному содержанию, по ярчайшим следам влияния донского казачьего фольклора она с несомненностью обличает в своем авторе человека, который был близок к казачеству и сам наблюдал осаду Азова. Такая характеристика автора повести подходит только к скрывавшемуся под маской есаула при атамане Науме Васильеве составителю подлинной, им же привезенной отписки войсковому дьяку Федору Иванову Порошину, беглому холопу знаменитого вельможи князя Н. И. Одоевского, проявившему себя активным защитником интересов Войска Донского и сторонником присоединения Азова еще в период подготовки его обороны.⁶

¹ Цит. по рукописи: Турецкие дела. № 1, 1642 г., л. № 11 (Гос. Архив древних актов СССР, М.).

² Н. И. Сутта, ук. соч., стр. 44.

³ Собр. гос. грамот. . . , № 113.

⁴ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 43—49.

⁵ См. обе наши названные выше статьи.

⁶ См. аргументацию в нашей указанной печатающейся статье.